

Гвендолен Артерберк

Вероника

16+

Гвендолен Артерберк

Вероника

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Артерберк Г.

Вероника / Г. Артерберк — «ЛитРес: Самиздат», 2020

С детства Вероника привыкла бояться всего на свете. И небеспричинно - странные события преследовали её с самого детства. Но теперь у неё остаётся совсем немного времени, чтобы встретиться со своими страхами лицом к лицу. Ведь только победив свой собственный страх, можно стать настоящей ведьмой.

– Вероника! – голос мамы остановил меня, когда я уже собиралась уходить в университет. – До скольких ты сегодня учишься?

– А что такое? – обычно мама не часто интересовалась расписанием моей учёбы.

– Можешь отвести Нине Павловне кое-что?

– Какой ещё Нине Павловне? А... тётё Нине что ли? – я невольно вздрогнула.

– Ну да. Её зовут Нина Павловна, могла бы уже запомнить.

– Как я могла не то чтобы запомнить, а узнать это, если при мне ты всегда называла её Нинель, а я соответственно звала «тётя Нина»?

– Так ты сможешь мне помочь или нет? – мама проигнорировала мой вопрос.

Я замялась. С тётёй Ниной были связаны не самые лучшие воспоминания в моей жизни. Но мама есть мама, поэтому я нехотя ответила:

– Ну да, конечно... А где она живёт?

Мама сообщила адрес и отдала мне пухлый заклеенный белый конверт без надписей. Я положила его в рюкзачок и вопросительно посмотрела на маму. Но мама, видимо, решила, что сказала достаточно и продолжила перебирать спицами – ей всегда нравилось вязать. Я попрощалась и поехала учиться. Спускаясь в метро, я невольно погрузилась в воспоминания...

Когда-то, в раннем детстве, я радовалась каждому дню, жизнь мне казалась прекрасной нестрашной сказкой со обязательно счастливым концом. Вот она моя дорожка из жёлтого кирпича, в конце которой меня непременно ждёт прекрасный принц на белом коне, и мы будем жить долго и счастливо. Ведь так кончаются все сказки, не правда ли? Что такое «жить долго и счастливо», я тогда представляла себе достаточно смутно. Меня совершенно не смущал тот факт, что вокруг меня ни одного примера этой самой долгой, но счастливой жизни не наблюдается.

Перелом произошёл, когда мне было лет пять или шесть. Я жила на «даче» – родители снимали на лето часть дома в деревне. Однажды вечером к нам гости приехала какая-то дальняя родственница. Мама сказала, что это тётя Нина, и чтобы я поздоровалась. Я весело подбежала к гостье, которая успела усесться в кресло на улице. Я смотрю на неё, и слова приветствия, которые я уже готовлюсь произнести, рассыпаются в пыль, так и не становясь реальностью. Заходящее солнце так просвечивает сквозь медно-рыжую высокую причёску женщины, что кажется, что вокруг её головы сияет огненное зарево. Её улыбка, слишком широкая, напоминает мне пасть Волка из Красной Шапочки. На крупном носу располагаются очки в толстой оправе. За стёклами блестят крупные, навывкате глаза. Это глаза, тёмные до черноты, смотрят на меня, не отрываясь и не мигая. Я всё ещё молча стою, не в силах произнести ни слова. Внезапно мир вокруг меня темнеет, только огненный нимб вокруг головы женщины бросает вокруг багряные отсветы. Волосы на её голове шевелятся, похожие на клубок мелких отвратительных червяков или даже змеёнышей, как будто я смотрю не на человека, а на гнездо Нагайны. Это длится бесконечно долгое мгновение, а потом всё стало как обычно. Незнакомая женщина, продолжая улыбаться, сказала:

– А кто это у нас такая смелая? Как тебя зовут, деточка? Меня зовут тётя Нина.

Назвать меня смелой в этот момент жизни можно было только в качестве злой шутки. Я пробормотала своё имя и услышала в ответ:

– Как-как? Вероника?

Я быстро кивнула и убежала. Я пыталась убедить себя в том, что это всего лишь облачко пробежало по небу, и случайный ветерок пошевелил высокую причёску, но никак не могла забыть это жуткое зрелище – круглое лицо в огненном ореоле шевелящихся змеёнышей, и два бездонные зрачка, которые смотрят прямо в мою маленькую душу.

С тех пор мой характер кардинально изменился. В каждом новом человеке я страшилась увидеть тот жуткий образ, в котором мне явилась тётя Нина. Пролетело лето, ужасное воспоминание постепенно изглаживалось из моей памяти. Но в канун Нового года – для меня

уже прошла почти целая вечность – тётя Нина заявила к нам домой. Я выскочила из своей комнаты на звук дверного звонка и увидела её. Она врывается в коридор в вихре кружащихся снежинок, холодная, с запотевшими очками, несёт в руках какую-то большую коробку, перевязанную розовым бантом. Внезапно гаснет свет, и я снова вижу ореол вокруг её головы, на этот раз пронзительно-голубоватый, яркий, слепящий, и волосы её уже не волосы, а блестящие сосульки, которые шевелятся и позвякивают, лицо – как застывшая снежная маска. Я делаю шаг назад и натываюсь спиной на что-то твёрдое, а она тянет ко мне свои холодные руки. Ещё не коснувшись её, я чувствую, что они холоднее того льда, который я трогала в холодильнике, и этот холод начинает проникать в меня, я уже не чувствую кончиков пальцев, у меня немеют ладони, она крепко держит меня, но я уже не чувствую её касаний, холод подбирается к горлу, и мой несостоявшийся крик превращается в какой-то хрип, который я слышу, как что-то чужое, как будто это не мой голос, а какая-то ворона каркает у меня над ухом. Яркий свет заливает лицо тётя Нины, свет такой же голубоватый, как ореол вокруг её головы, и такой же холодный, как она сама. Как будто с противоположного конца земного шара я слышу чей-то голос, он что-то говорит, но я с трудом разбираю слова:

– Опять пробки выбило? Говорила я тебе, надо электрика вызывать! – это голос мамы, где-то справа папа защёлкал какими-то кнопками, и в коридоре снова загорелся свет. Тётя Нина стояла передо мной, протягивая мне коробку. Я выхватила её из рук и, всё ещё не чувствуя кончиков пальцев, убежала в свою комнату под негодующий крик мамы:

– Вероника! А сказать «спасибо» ты не забыла?

В коробке оказалась французская кукла – мечта любой девчонки моего возраста. Но я всё ещё дрожала от холода и страха, и это свело на нет всю радость от щедрого подарка. Я дрожала от холода весь вечер, и вечером мама, измерив мне температуру, сказала, что я заболела и что завтра вызовет врача. Новый год был испорчен – я не вылезала из кровати, наверное, неделю или даже больше...

Тётя жила на первом этаже девятиэтажки. Я позвонила, дверь мне открыла невысокая седая старушка, в которой я не без труда признала тётю Нину из моего детства. Она настолько не походила на тот страшный образ, который я пестовала в своей памяти всё это время, что я даже сперва подумала, что ошиблась. Но нет, это всё-таки была тётя Нина, Нина Павловна, как надлежало её называть по правилам хорошего тона. Она с порога пригласила меня войти, посидеть и выпить чаю. Мы сели на кухне, и началась обычная в таких случаях беседа на тему «что нового у вас там». Я не совсем представляла, что для неё новое, а что – старое. Поэтому я решила просто пересказать три последних года жизни – как я наконец-то закончила школу, сдала единые экзамены, и поступила в университет. Я всегда интересовалась и высокими технологиями, и древней историей, и в качестве специальности выбрала цифровую археологию. Тётя рассеянно кивала, когда я рассказывала ей о сложностях зондирования древних интегральных схем, было видно, что она мало что понимает, но не хочет прерывать мой рассказ то ли из вежливости, а то ли потому, что после моего ухода она снова останется в одиночестве в своей квартире, где и словом перекинуться не с кем. Но я всё-таки сменила тему, перейдя к обсуждению своих однокурсниц, и – в особенности – однокурсников. Эта тема оказалась более благодатной, и тётя поставила второй чайник. Я невольно бросила взгляд на часы – было уже начало шестого, по-хорошему надо было бы собираться домой. И тут я вспомнила, что так и не отдала тётя конверт. Странное дело, она сама, казалось, тоже позабыла о причине нашей встречи, увлекшись разговором. Я вынула конверт из своего рюкзачка и собиралась уже начинать вежливо прощаться, но тётя вдруг спросила, указав глазами на конверт:

– Хочешь посмотреть?

Я замялась – я не имела никакого представления о содержимом конверта, и просто не представляла, что там такое может быть внутри. Тётя истолковала мое замешательство по-своему и сказала:

– Не стесняйся, давай посмотрим вместе.

Она вскрыла конверт плоским ножом – подобным ножом мы дома намазывали масло – и вынула оттуда пачку пожелтевших фотографий. Видно было, что снимки были разного возраста – некоторые были фигурно обрезаны по краям, большинство – чёрно-белые, но встречалась и сепия, а несколько были цветные, но очень посредственного качества. Тётя стала перебирать фотографии и называть имена и фамилии, которые в большинстве случаев почти ничего не мне говорили. Я почти не вслушивалась в повторяющийся рефрен «...а вот это вот твой...», когда моё внимание привлек очередной снимок, с которого на меня смотрело морщинистое лицо седой женщины. Я не помнила, чтобы встречалась с ней в своей жизни, но это лицо показалось мне странно знакомым. Я смотрела и смотрела на него и вдруг вспомнила. А вспомнив, застыла, видение из прошлого полностью захватило меня.

После того памятного зимнего визита тёти Нины к нам домой, я стала бояться засыпать в полной темноте, и мама мне включала на ночь какой-нибудь ночник. Как-то раз она, как обычно, включила мне неяркую зелёную лампочку, которая вставлялась прямо в розетку, погладила меня по спинке, пожелала «спокойной ночи» и оставила засыпать. Шторы были плотно задёрнуты, комната была освещена только ночником, но мне этого света было вполне достаточно, и я постепенно заснула.

В середине ночи я внезапно проснулась, открыла глаза и обнаружила, что в комнате царит почти полная темнота. Ночь была безлунная, шторы очень плотные, а в ночнике, наверное, перегорела лампочка, и я осталась без привычного освещения. Я испуганно села в постели, натянув одеяло по шею и думая, что же мне делать – сперва позвать маму или броситься в комнату родителей самой. Но тут я вдруг обнаружила, что несмотря на кромешную темноту, я всё-таки что-то вижу. Из темноты начали проступать какие-то тени, медленно подходящие к моей кровати. Это были люди, но как будто бы светящиеся изнутри, и это сияние позволяло мне видеть их контуры и отчасти отбрасывало тусклые отблески на окружающие предметы. Моя кровать стояла в середине комнатки, соприкасаясь со стенкой только торцом изголовья. И фигуры беззвучно и не спеша приближались ко мне со всех сторон, а их очертания становились всё более отчётливыми. Я лежала ни жива, ни мертва, вцепившись руками в одеяло и подтянув колени к груди, боясь шелохнуться и издать хотя бы слабый шорох. Тишину не нарушало ничего, даже обычные городские звуки, казалось, пропали полностью. Фигуры окружили меня и на мгновение замерли в полной неподвижности, но затем начали расступаться, освобождая проход еще для одного призрака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.